
Культенко Валентин
Исход.
Трибуляция
и Вечность

Валентин Культенко

Исход. Трибуляция и Вечность.

https://litres.ru/74829542
SelfPub; 2026

Аннотация

Дело происходит в нынешнее время, с 2026-2033 год.

Несколько дневниковых записей. Что их объединило? Армагеддон.

Они не знали друг друга. Жили в разных странах, говорили на разных языках, верили в разное. Один устал от войн. Другая искала сенсацию, а нашла истину. Третий читал Библию, когда все читали новости.

Все несчастья сговорились против мира: война, катаклизмы, резкое исчезновение людей и вот пришел тот кому можно доверять. Ведь он чудотворец.

А они писали дневники.

Эта книга — не роман. Это свидетельства. Собранные вместе, они складываются в одну историю: о мире, который шёл к своему концу и не замечал этого. О добре, которое выглядело как безумие. О зле, которое выглядело как спасение. О вере, которую потеряли и нашли.

Данная книга — отечественная пародия на цикл «Оставленные» Тима ЛаХэй и Джерри Дженкинса.

Содержание

Исход. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Валентин Культенко
Исход. Трибуляция и Вечность.

Исход.

Пролог.

Согласно мнению иудейских мудрецов, каждый еврей (если не человек) должен покинуть свой Египет.

Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи?
от Луки глава 5, стих 23.

I.«Придет же день Господень, как тать ночью».

Это был обычный холодный летний день, это Питер. Но я никогда не забывал слов из Библии: «Бодрствуйте! Ибо неизвестно, когда придет день Господень», и вот настал этот день.

Как обычно, возвращался с одного собеседования, очередные обещания приема, в этот раз причем с утра; интуиция меня не подводит; мерзкое ощущение, будто говорящее

из самых глубин души, сознания, подсознания: «Всё тщетно, и особенно сегодня».

Еще сон: то ли кошмар, но с каким-то хорошим, приятным концом. У меня было ощущение, которое давно не испытывал. Можно примерно описать так: представь, что на тебе не осталось никаких дел, никому не должен, ничего делать не надо! Ты что-то сдал, выполнил, а главное — приятное, текучее по всему твоему телу приятное тепло, которое наполняет тебя радостью. Да, радость! От которой хочется плясать, вращаться вокруг своей оси, петь, гулять, кричать, что угодно считай. Вот такой конец помню из своего сновидения, вернее, настроение в конце.

Меж этим слышал разговоры, будто война какая-то, о которой все обещали. Не раз, равно как и другие, насрать кто, даже сатанисты или атеисты, молил своего Творца на вразумление, пробуждение чего-то доброго в людях, а главное...Недопущение войны полномасштабной.

«Блаженны миротворцы» стало ныне для меня определяющей, на фоне событий, где лишь расовые стереотипы оправданы. Гнев, ненависть мира сего пожирали меня, видел, что не правы все, как бы они себя ни именовали и какая церковь у них ни была! На моих глазах мир умирал, а его обитатели сходили с ума. У меня немного иное отношение к христианству, как и к другим религиям. Заметил, что то, что говорит Иисус, не всегда совпадает с тем, что слышим от

«иерархов», какой бы пост они ни занимали. Кажется, мир не изменился за эти две тысячи лет существования. А Его мне было жалко: потребительское отношение, сам Христос этого не любил, давал всё бесплатно! Жалко по-особенному стало, да и до этого было обидно за цивилизацию, ведь каждый может жить хотя бы миролюбиво, даже если едва ли творит добро. Ведь был уверен, вспоминая Евангелие: каждый даже с покаянием может попасть на Небеса, а Бог у него на свой лад: кто любит падать на колени и приходит к Нему, кто не падает, а старается, вооружившись всякими материалами, искать Его, понять Его, чтобы понять, зачем и почему любить, — тоже придут к Нему и будут в неописуемом удивлении от вида Создателя. Впрочем, опять понесло в философию, хоть я, может, и являюсь ею в глубине души — моё истинное «я», наверное.

Бродил по подобию парка возле Казанского собора. Далеко меня, однако, занесло, согласитесь? Может, купить поесть что-нибудь ради удовольствия, т. е. френч-дог? Люблю! Хорошее блюдо для прогулки или перекуса… Хотя нет, не буду тратить деньги, мало ли. Душила ли та самая жаба? Неохотно люблю тратить деньги так-то.

Солнце светит ярко-ярко, но в своей темно-серой «байкерской» куртке на улице прохладно. Как говорил один поэт: «Наше северное лето — карикатура южных зим». В нынешнее время не устаревает: то холодно, то жарко, то дождь. Не самое страшное (у меня нет на него лично аллергии) — пух.

Ехал в другое место для прогулки, планировал этим летом больше гулять, слышал уже не от бабок или людей сорока лет о чуть ли не завтрашнем будущем конфликте, а от молодых, как я, что уже нехарактерно, возвращался — тоже слышал. Где-то недалеко; на свою голову решил пройтись после собеседования, решил чаще гулять; произошел взрыв. Крики, бегство. Мои сны, где говорилось об ударе лишь по США (судьба Европы — темный лес), сбылись.

Но я не бежал, не знаю. Последнее, что видел, как волна меня смела, и обморок. Перекрестился: «Ну, Господи…Прости, прими!»

Очнулся. Ну да... Прощай, поганый мир лжи, поощрения насилия, потребительства и гнилой, лицемерный, лишенный каких-либо чувств еще болотный Петербург.

Я опять вспомнил одно из своих, однако, пророческих сновидений (и особенно в этот день), будто все погибли, руины, идет человек, окутанный страхом и неразборчивостью, встречает вдруг привидение какой-то цветной и жизнерадостной певички. Дальше неясно, ведь потом пела что-то, что именно, не помню, но про конец света точно.

Так и я, как этот персонаж, ходил по миру, спрашивая и моля Господа: «Почему! Почему сейчас! Ты мог... В том-то и дело, что мог, но как люди? Смири нас, дай нам построить мир Твой. Яви, если хочешь, нам Себя, чтобы не было впредь такого дня».

Пытался позвонить, как по ожидаемой иронии судьбы

сигнала нет, спутники тоже откинулись походу.

И вдруг недалеко от себя увидел его: левая половина тела была костлявой, в руке на той же части тела обмотан локоть, в самом низу свисал небольшой потертый, потемневший мешочек с почти исчезнувшей цифрой тридцать. Остальная была загорелой, темноволос, кареглаз, как я, кучеряв, короткая, кучерявая, при этом, несмотря на вид «бедный», ухоженная борода. Нос средний, но сильно кончик вниз, при этом не орлий.

Это был он — Иуда из Искариота. Смотрел исподлобья, вначале казалось, с гневом, но нет, как будто всматривался в меня тот, кого даже Ад не принял.

Выбора у меня не было все равно, пусть хоть призрак Нового Завета объяснит мне, что, черт возьми, произошло и куда теперь идти тому, чей смысл жизни все время создавали.

II. «И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу».

Выбора у меня не было. Но закончу начатую до этого мысль. Итак, кем бы ты ни был: содомитом, сатанистом, атеистом, иноверцем, хоть бы кто…, если ты сохранил т. н. любовь, с гневом, но всегда находишь силы прощать зло и любые обиды, причем если ценишь понятие мира, то есть пацифизм (иное, если на тебя нападают, при этом никакой ответной жестокости), творишь добро, не требуя при этом ничего взамен, способен к стыду, страстному желанию сократить или отменить поступки, которые можно считать пусть

мелким, но грехом (возможно, и есть покаяние)… то тогда ты близок к тому Самому Царству. «Да любите друг друга» — вот главная, как и сам говорил Сын, заповедь, даже закон всего сущего! Прав, все равно верится, что так.

Странно, невероятно. Небо оранжевое, причем буквально как в детской песне, солнце как будто выросло в размерах, палит, немного жжет, смотреть долго, как и до этого дня, не получится. Песок, песок пустынный, желтый, оставляет после себя ветер при ходьбе; как он, черт возьми, все мог покрыть, включая темные скелеты зданий? Пыль от него оседала мгновенно, создавая соответствующий удручающий пейзаж. Вот он, люди, реальный гнев Господень, который вы хотели. Вы хотели избавиться от врагов, питая к ним ненависть, поздравляю.

Никакой флоры или фауны на пути, облаков также нет. Какое-то странное обнуление.

Подошел к нему, с каждым новым приближением казался менее плотным, полупрозрачным этот апостол. Потрогал аккуратно его, рука проходит, но все равно мало.

- Ты? Или где песок?

- Еще решил утереться песком, маловерный – голос был его низкий, рычащий, немного гнусавый. Посмотрел на него. Взгляд его все так же был прищурен, недоволен, будто гневался.

Сел на перевернутую машину, вернее, на всё, что осталось от неё. От неё немного горела попа, скажем так; становилось

немного жарковато от этого диалога в прямом смысле, из-за изменённого климата. Спросил:

- Иуда, я вижу, что это ты. Можешь ли сказать, что знаешь?

Как-то оживился тот после вопроса, выпучив свой «живой» глаз:

- И ты, юноша, не будешь гнать, поносить меня? Но почему?!

- Зачем мне тебя гнать? Тем более никого, кроме нас, тут, на этой улице, нет.

- Тогда слушай! Я странствую по земле много лет, не можешь себе представить, сколько. Видел разных, разные обстоятельства с душами. Это не первый конец света, который я вижу. Но каждый раз он другой. Однажды я видел, как умирала цивилизация на планете, где люди поклонялись золотым идолам. Они смеялись, пока падали небоскрёбы.

- Но за что? Таких как я было… были миллиарды, молил Бога... чтобы этого не случилось. Чтобы он вразумил людей. Чтобы не было этой войны, этого взрыва... а теперь... — обвожу рукой руины — теперь я чувствую только пустоту. И ещё это дурацкое облегчение.

- Облегчение, — на короткое время улыбнулся, — ну да, после всего окружающего, видя, как те, кого ты любил, молил как всякий юрод, теперь мертвы. И зачем был этот бисер в виде прошений? Он все видел, если бы только показал тебе…

- Ну в любом случае их довели, их может заставили поклоняться этим идолам. Ты, как и я, не знаешь причин их грехов.

- Грехов? В вашем мире, чтоб ты знал, не осталось никакой любви. То, что можно назвать культом. Культ войны, культ лидера, культ идеи или философий, денег — потряс своим пустым мешочком после этого слова — культ славы и успеха. Господи, вы развратили собственных детей. Это причина их безумия, страха перед обстоятельствами. Говорили им про то, как посмотрят, как нужно жить, кого обеспечить, отдавая при этом все, не думая о себе ни на секунду, лишь бы не обидеть.

Взял паузу, заходил вокруг своей оси, резко наклонился, тряс костлявым пальцем, будто хотел еще больше достучаться.

— А затем вы, «взрослые», сказали им резко, мол, ничего не надо, живи как нравится, как умеешь, ни о ком не думай, почти как тебе нравится все же. Представь их ломку. Годами учили не думать о себе, теперь не думай о том, что думают, ведь думают обо всем, а о тебе могут и не думать, как бы сильно ни ложился пред миром. А между тем этот мир, за который ты молился, этот мир — интонация поменялась, насмешка гиены — сам над тобой издевался, издевался над душой, разумом плодя, вбивая всякий бред. И так легко начал просить Создателя? Этот мир заставлял всех поддерживать те или иные решения, приводящие к насилию, горю, позо-

ру. Этот мир унижал и убивал христиан, любого, кто творил добро, считал безумцем. Этот мир создавал границы морали и нравственности, чтобы потом отправлять в клиники, называть больными, прося детей или иногородних не подходить к такому чудаку, который говорит и делает то, что людям кажется странным, например, говорит, что космос подчиняется не законам, открытым ранее, что он больше, или берет с улиц нищих, устраивает, лечит их. Лицемерно мир говорил о голодающих, которых объедали, а еще о милосердии, забивая до смерти «виновного». Этот мир заставил тебя жить в страхе перед Ним, который сам создал этот образ, точнее выражаясь. Ибо Боже! Они и из Тебя, Сына, предательство которого не могу простить себе, сделали идола. Мне, представь себе, молились, будто могу хоть малое. Многие ли открыли Слово, многие ли поняли, что… — прорычал в конце, был аж красным после своей речи. Долго ли подбирал эти слова, сказать которые должен был кого-нибудь в конце концов.

— Чего молчишь?

— Тяжело говорить, осознавая, насколько ты прав. Сложно было, как и предсказано, — протер лицо руками, — сохранять какую-либо доброту на фоне происходящего. Верю, что, несмотря на зло, совершенное ими, в них было от Света — песчинка, которая, как ни странно, озаряет душу их. Молитвы помогали мне, один раз точно. Просто им не хватило любви.

— Звучит богохульно. Он все им дал.

— Ну ладно, — встал с машины, — надо найти мою семью. Куда идти, знаешь?

— Семью... — снова изменился в лице, стало напряженным, в чем-то грустно, по глазам точно. — Мальчик, до последнего не хотел тебя разочаровывать: сейчас идет Великая Скорбь, — меня как ударило током, — мы все идем в Иерусалим на Суд. Скорбь длится, мягко говоря, давно. А как ты очутился в другой части города, не знаю. Мир опять уничтожен Его гневом. Сейчас кончается эра правления Лжемессии. Можешь не искать своих матерей с отцами, не знаю, где они, не всеведущ. Надо взять еду, то, что осталось. Дойдем за три дня максимум, времени не существует.

Стоял как столб, с раззявленным ртом, как на той картине «Крик», весь белый от услышанного: скорбь, Антихрист, Суд.

— Был двадцать шестой. Сколько же был в отключке?

— Успокойся и не думай, — положил свою правую руку на меня. — Делай, что должен.

Пошли в маркет; укладывал в голове то, о чем говорил, стараясь сформулировать цепь случившегося со мной.

Там было темно, холодно, света было мало, слышим знакомое. Пчелы? Дикие. Какое-то наследие от природы осталось в этом мертвом мире.

— Что будешь делать? Мне еда не нужна, а вот пчелы, большие, кусаются.

— Пойдем сначала за банками, есть платок, соберем мед,

здесь явно ничего более нет.

— Конечно нет, сколько бы ни бродил по руинам. Еды, считай, как и жидкости, не осталось.

— Значит, будем собирать в банки, возьмем сумку. Вода все равно должна быть. Я верю, найдем.

— Веришь?

— И сейчас верю.

Во глубине этого дубака, куртка не спасала от замогильного, считай, холода; собрали где-то до сорока небольших банок.

Опять колоссальных размеров, гудящие как двигатель КАМАЗа ульи. Огромный покрыл собой большую часть стены, почти не задевая потолок. Тем не менее сверху капало. Может, был больше, в темноте было видно лишь то, что освещала одна из немногих функционирующих в этом подземелье (магазин провалился под землю) ламп.

- Что теперь?

- Я верю, — с тихой робостью, характерной для себя, говорил в ответ, — они меня не покусают.

- Как?

- Верю. В конце концов, ничего вредного не делаю им.

Спустя время сумка была полной, хоть и не до края. Ни одна ко мне практически не подлетала, не кружила, к удивлению моего спутника, и к моему также. Может, вера, может, случай — не важно. Всё обошлось, как и хотелось.

- Знать бы, — спрашивал его, идя к выходу, — как они

здесь оказались, как построили здесь соту. Это же не характерно — строить на открытом участке.

- Верно.

- Стой, придется вернуться за водой.

Вдали, в глубине места, где когда-то парковали машины, услышали... фонтанчик? Невероятно! Побежали на звук; там было еще темнее, работала одна лампа.

— Вода?! Как с Моисеем. И не верь после этого.

Пришлось, как и говорил, вернуться за бутылками, собрали быстро. Очищал дно бутылок другой стороной платка, успел тряпку промочить, жидкость была чистой. Пыль, песок как-то просочились через асфальт, потолки в это подземелье.

— Блаженный. Всем бы твою радость, — сказал Иуда мне, без какой-либо злой шутки, так казалось лично мне.

Пошли отсюда, знал, где этот город находится.

Разрушенные мосты, покосившиеся дома, никаких трупов; смысл описывать развалины цивилизации, каждый уголок, который покрыт пылью восточной пустыни. Может показаться, что человек я необщительный, но могу долго и много говорить о всяком. Просто все зависит от моего настроя, от настроения: то замкнутый, уставший, то веселый, аж тараторю. Думал поговорить с ним о чем-нибудь, потравить ему анекдоты, а то выглядит совсем как сыч.

— Скажи мне, о чем думаешь? — спросил Симонов меня.

— Я? Ни о чем. Придем — будут судить по тому, кто мы

есть.

— А я думаю о Суде.

— Не бойся. Скажу честно: сам боялся, пока не нашел и не изучил вопрос этот повнимательнее. Да, кое-что отвечали т. н. Отцы Церкви. Ведь хорошо, что Создатель будет искать, как нас простить.

— И ты в это веришь? Нет, ты веришь, что даже Дьявола, его бывшего Архангела, смогут простить? После всего содеянного?

— В том смысле… ну, если человек не каялся, не пытался как-то меняться. Еще для меня главное: если не хочет быть т. с. добрым, то навсегда в Аду останется.

— Добрым? Как это «добрым»?

- Ну то есть способный к миролюбию, помощи, что бы при этом ни думал в душе. Может направить свои силы на пользу, даже если характер не сильно изменится и будет думать иное, говорить даже о том, что не нравится, но понял некоторую важность. Особенно для себя.

- Хм. Из ада… А таких немного, как ты описал. Некоторым свойственно каяться, когда ничего не изменить, когда кажется, навсегда в огне. Но, кажется, их Бог вытаскивает. По молитвам, просьбам, далее.

- Ну вот я прав! Бог — милость.

- Милость, — рыкнул в ответ.

Продолжил:

- Ты говоришь, как фанатик, более миролюбивый, одна-

ко. При этом знаешь, что это не оправдывает плохие поступки. Ты прав о внутреннем Царстве Бога. Тут уж как его проявить. Ты совсем не думаешь о людях, а ищешь их оправдать.

Чуть не вырвалось с укором у меня, хорошо сдержался:

— Ну слушай!... Ты был с Ним, слышал о прощении, знаешь, как и для чего жить. Впрочем, такое бывает…

— Что бывает? — посмотрел на меня, лицо приобрело более человеческий характер. Все скулы, хмурость исчезли, казалось, догадывается, о чем хочу сказать.

— Ты из тех, до кого Любовь дойдет с трудом. Потому что не смог, не получилось понять полностью Творца.

Отвернулся. Наклонил собеседник голову, наверняка думал над сказанным. С улыбкой ответил:

— Ха! Ты первый, кто не гонит меня и не лизоблюдствует передо мной. Ты пытаешься остаться человеком, найти другого человека. Это всегда поощрительно.

III. «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным».

Меня терзали два вопроса: почему он на самом деле предал Учителя и что он может сказать о Нем?

— Как же жарко!

— А ты что хотел? Предсказано было моим братом Иоанном; если могу так называть; что солнце будет палить беспощадно. Любое творение скорее умрет, чем сделает два шага от своего дома. Но ты и я — исключение! Должны изнывать от жары, искать тень, любого, кто даст её. Вот до какого состояния доведены мы должны быть с тобой. Однако почему

мы не страдаем от Гнева?

— Наверное, потому что мы «помеченные». Не избранные, в нас просто верят, чувствуют, что мы другие.

— Тоже верно.

Да, согласно одному известному мне апокрифу, вся земля, кажется, и мертвые просят Бога устроить Судный день, но Тот отказывает, говоря, что не настало время.

— Скажи мне, Иуда, думал ли ты о своих грехах помимо предательства?

- Конечно. Но задумался: быть может, и ты, отрок, так думал. Ты можешь каяться, искать пути избавления от «недуга», но… есть такие вещи, которые ни ты, ни даже твоя семья не видит.

- Ну еще бы не думал. Но как развидеть их?

- Знал бы, может... и не было бы этого дня. Не ходил бы, проклинаемый всеми.

- Знаешь, явно слышал — конечно, это опять от попов, так сказать, но мысль верная. Один священник, Лаврентий Черниговский, предсказывал: «В разгар Конца сильных Господь заберет, слабые останутся и будут кровью умывать свои грехи». Наша встреча — искупление, испытание нашей души, при этом пока ничто и никто не искушает нас. Мы просто идем в священный град.

- В священный и падший град. Это перекликается с мыслью многих. Ибо давно известно: в скорби, в муках получите очищение.

- Мы идем по какому-то полю. Оно не так усеяно песком.

В этом буквально оранжевом мире лес, который успел уловить глазами, и поле, отдаляющееся от нас будто само, уходило из-под наших ног, оставляя после себя песок, отличались все же. Деревья были голыми, тем не менее кроны какие-то остались; это объясняло лишь наличие зыбкой, легко сдуваемой пыли на них. Стволы посерели, засохли. Единственное, что доказывало, что перед нами луг или поле, — лишь покосившиеся иссохшие желтые растения. Дороги не было видно.

- Мы давно прошли столицу и теперь идем в сторону, как вы называете, Кубани.

- Кубани?

- А я говорил, — он повернулся не полностью ко мне, подняв левую руку, — об исчезнувшем времени. Часы есть ли у тебя? Не сможешь на них поймать ни одной даже миллисекунды. Тебе будет казаться, что идем давно, не заметив при этом, сколько реально потрачено дней поездки. День будет казаться вечностью при этом, потому что ни разу не поймаешь Луну. Понимаешь меня?

Воспоминания ударили мне в голову.

- Вспомнил сон!

- Какой еще сон?

И я начал рассказывать:

- До того, как упал, встретил тебя, было сновидение. В последнее время не запоминал сны, только редкие. Лишь уло-

вил этот, будто шел с кем-то к яркому свету.

- Так, — протянул он, — что же было? Это будет нам полезно. Я уверен, твои сны — не плод игры ума.

Напряг ум:

- Значит: человек, замотанный в тряпье, вроде кряхтел, взял меня за руку или сам протянул её мне. Не важно. Вытаскиваю его…

- Откуда?

- Не помню, не знаю. Будто грязь, куча корней каких-то деревьев, похожи очень, болотисто при этом всё. Амазонка, если знаешь, прямо.

— И вытащил его. Кто он?

— Лица не видел. Сначала он вел меня, потом вместе шли. Прошли через что-то. И выходим к какой-то светлой фигуре.

— Какой фигуре? Через что шли? Кто это? — забеспокоился, истерично затряс кулаками; голос стал мягче, надрывным, хрипотцой и рычания как не было до этого.

— Говорю же: кого не видел, весь замотан не хуже мумии. А куда шли — не видел.

— Хм. Можешь растолковать?

— Думаю, это мы с тобой и… и идем к Нему.

— Хм, — снова промычал, осмотрелся, поджав губы.

Затем перекрестился:

— Не дай Бог, буду тащить тебя из болота, дух не чувствует тела.

Понял, о чем речь:

— Не факт! Знаешь, в какое время живем, может, чувствуешь, хоть и призрак.

Вечер (который все же удалось уловить для короткого отдыха) все опроверг. Когда достал мед, тот опустил свой палец, глаза горели надеждой короткое время. Это было одно из самых худших видений. Надеялся проклятый на еду; казалось, сегодня снизойдет благодать и вкусит мед, который неизвестно, когда последний раз ел. К несчастью, палец не чувствовал еды и не был им обмазан.

Все же решил спросить его:

— Что ты знаешь лично о Христе? Каким он был?

— Ты, кажется, читал Благовестия от четырех его избранных учеников?

— Ну, в любом случае хочется знать, что ты знал. А то много выдумщиков говорят о ваших отношениях.

Опустил голову, стал вспоминать; вместо Христа так получилось, говорили о нем, но, как помните, и это интересовало:

— Я никогда Его не понимал. Этот Образ…

— То есть? Как же ты следовал за Ним?

— А вот так! Как человек следует за мечтой, будучи не избранным Создателем или бездарным в этой области. Как человек надеется на ложь, зная, что обманут, так и я! Иуда Симонов! Грмм, — прорычал он.

Он несколько раз мотал головой, поднимал взор, «читал взглядом» меня, рассказывая свою грустную историю:

— Я был типичным мытарем. Брал деньги у всех, кому был должен. А потом узнал о человеке, который стал крещенным и который есть Мессия, обязанный освободить нас от рабства, вернуть утраченное. Ему все верили, даже на какое-то время законники.

— Ну.

— Ну-ну — иронично звучало, голос не рычал, самое неожиданное - На глазах тысяч творил чудеса, все, которые не охватишь взглядом. Все происходящее говорило, что Он есть Бог. «Сын, посланный Им». Неожиданно говорил это: «Прощайте, и будете прощены. Любите, творите добрые дела, ничего не прося — так узнают, что вы от Меня». Вот тутто и мой мир треснул. Сколько раз видел эти лица: «Сотвори чудо». Как же сильно и ко мне изменилось отношение! До этого гнали меня, проклинали, каждую монету не выпросишь, бессмысленные попытки убедить жителей земли, что от налога, введенного язычниками, зависит их существование. И вот они, римляне, просят Его о милости, вопрошая: «Я другой, имеешь ли Ты право, Бог, войти в мой дом? Имею ли право пригласить Тебя?». Видел бы, как изменился мир тогда. Сам Творец снизошел, и наступило всеобщее счастье, о котором мечтали такие, как ты, и еще кто-то не раз! Но меня трясло от любой Его проповеди. Не понимал, не мог понять, может… и не хотел. Всех их Он просил принести за Него жертву. Кто знает: может, если бы достаточно жертв, Он бы не умер как злодей на кресте!

— Ну, Он сам предсказывал. Пришел с целью искупления еще.

Посмотрел на короткое время на меня, говоря:

— Говорил. И много ли было тех, кто услышал просьбу Его? Не видел смысла искупления. Что до этого было? Дал нам служение, говоря: «Верьте и все получите», и никакой платы, как бы нам всем ни совали в руки в знак благодарности. Был единственный, кто брал, что давали. Но как же коробило! Меня бы трясло как одержимого. Говорил: «Верю», ликовали от чудес. Не мог понять одного: это…

— Это? — стал догадываться.

— На Него смотрели как на исполнителя желаний. Не как на мудрого учителя, а как на исполнителя желаний. Сколько раз хотел задать вопрос: «Что мы делаем? Ты видишь, нас не слушают!», и однажды сказал: «Помнишь тех убогих, лишь один прославил Тебя?», в ответ: «Что ты хочешь сказать? Я помню все. Это была их воля». Опору потерял под ногами. И куда бы ни шел, отставал от толпы, носил темную тканую накидку, сильно наклонив вниз голову. Когда свидетельствовал, тогда был Он еще жив, я ночевал день, один день, где-то на краю города или в самых безлюдных, бесшумных местах. Потому что не понимал, как можно так все легко отдавать, прощать к себе такое отношение.

Воцарилось короткое молчание, поймал себя на мысли, что давно не ел. Опускал ложку, которую нашел, в мед, незначительно промывал ее водой, чтоб не сильно тратить.

— Вот Он говорил пару раз: «Среди вас предающий Меня». И правда, я не мог смотреть на то, как Сам мучается даже от своих учеников.

— И появились они?

— Да, они. Не только фарисеи и законники желали Его смерти. Спросили: «Сколько возьмешь за своего учителя?», назвал сам цифру. Думал: «Что же, Иисус, Сын Бога Живого, я возьму на себя этот крест. Ты сам учил его брать, тем не менее». Я был глуп. Тот день настал. Но со свободой, радостью, что это прекратилось, уловил в первый же день пустоту. «Столько ли стоит твой Учитель?» — вопросил меня сам Бог. Понял: получив деньги, вырвал то, что не заслуживало такого отношения к себе, даже при всем предсказании, Его пророчестве. Думал: «Проклятье! Я стал тем, кого ненавидел. Не любил народ, но уподобился его дикости. Теперь эти варвары знатно поиздеваются над Ним. О нет, а что, если и исцеленные будут лжесвидетельствовать?» — хотелось плакать в этот момент, сжал лицо руками, пред этим натянул тряпку свою на глаза, решил: «Нет, нет. О чем думал, дурак! Лучше умереть, чем видеть это. И так запомнят, как мерзавца, потому что такой и есть. Вот мое лицо. Как Он меня терпел?». Ушел за город, возле обрыва было дерево, стащил кое-где веревку, намотал на шею. И самое неожиданное: когда задыхался, надо мной раздался треск, посмотрел, вдовесок еще и упал с обрыва. И вот теперь даже Ад, который, казалось, принимает и предателей, выгнал меня.

- Жаль. Ведь я могу тебя понять.

- И простить?

- И простить не только потому, что нас учили так.

- А за что же?

- Это сложно терпеть такое отношение, когда из ничего становишься всем. На тебя и родственники смотрят не как на сына, дитя, а на другую личность. Они забывают, кто ты и кем ты был. Забывают, что ты человек. Даже если всего не достиг, всё равно забывают о человеке. Со своими мечтами, потребностями и страстями. Очень сложно сохранить человечность, веру, когда вокруг тебя такое обожание или, наоборот, подонки. В ситуации, где, кажется, нет выхода, с помощью.

- Ты…

- Хочу сказать, что в этом Конце свои выгоды — никаких масок! Всё! Больше никаких сомнительных ценностей, которые должен поддерживать, учить остальных. Никаких родственников, мечты, идеалов, которые должен претворять в жизнь. Никаких вампиров на троне, посмотри, реально были вурдалаки! Никаких сумасшедших, за которых должен стоять, поддерживать, оправдывать. Никаких людей, способных растоптать, обгадить твою мысль, сравнять с землей, говоря: «Будь как все, это небезопасно, ты дурак». Ага, ты умен, а я извечно дерьмо и дурак, знанием которого вы питаетесь при случае.

Апостол смотрел на меня внимательно, явно взвешивая

каждое слово.

— Сколько ни трактуй, не поясняй, будто издеваются, корчат из себя дурачков. А сами говорят: «Будь собой». Всё! Больше никаких эгоистов и хамов, сколько бы лет им ни было. Больше ты не должен равняться на кого-то, нагибаться непонятно зачем лишний раз, лишая тем самым самого себя объективно. Ты правильно сказал о детях: им сложно было вспоминать, кто они и чего хотят, за них всегда всё решали. В этом Конце Света есть очень козырный плюс для грешников, не скрывающих свои грехи, — это всё.

— Хе. Я не узнаю тебя. Ты же говорил о Любви, Прощении, — с ехидной насмешкой.

— Да. И сейчас не отрекаюсь от своих слов. Я не из тех, кто говорит: «Был молод, обманули». Да, был молод, обманули, но это правда, это память о том, кем был. Должен был пройти через многое, как и сейчас с тобой. Поэтому даже по твоему опыту, трагичному, которого я не знал до этого, по слову «Не люби всего, что в мире — не от Него», всё же учусь быть другим.

— Быть другим, — глухо, осознанно произнес собеседник.

— Научить себя других, что хоть одно добро, человек, который плохо, неплохо справляется с Заповедями, все же есть.

Мы легли потом спать. Приснился опять этот сон. Уловил деталь: помимо «Амазонки» шли по «коридору», из которо-

го вдруг полезли руки; бежали, руки потом исчезли, но несло, нас несло к загадочной фигуре.

IV. «Которые с Ним, суть званые и избранные и верные».

Мы продолжали идти по пустыне; объективно, весь мир теперь — пустыня. Не сразу заметил метаморфозы в природе, которые скоро опишу.

Скажу прямо: меня коробило от одной мысли, что буду перед Христом на Суде отвечать за всё, что сделал и не сделал. Я дрожал. Каждый раз усмирял себя тем, что решение — заслуженное от Бога. И так рассуждал на протяжении всей жизни: когда познакомился с христианством, так же усмирял себя в дни Последней Битвы.

Носом уловил невозможно смрадный запах, который давно не чувствовал:

- Что это? – закрылся футболкой.

- Странно… я тоже это чувствую.

Вышли к краю небольшого обрыва. Апофеоз войны. Перед нами лежало бесчисленное множество скелетов, разлагающихся трупов, ржавая, раздолбанная в прах техника, и это по обе стороны. Летали, каркали птицы. Солнце освещало эти тела, наводившие не более чем шок. Там не на что было смотреть.

Тут-то Иуда и сказал:

— «Доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» Смотри, отрок, смотри. Вот они — званные и избранные справа, а вот и слу-

ги антихристовы и зверей его слева.

Апостол оживился: голос стал более громким, при этом басистым, активно жестикулировал. Нет, это был уже даже не призрак, а пророк.

— Ойх! — отошел от края земли, прикрывая иногда нос в процессе его речи (невыносимо было нюхать). — Я спустя годы анализа за людьми стал без «иерархов», то есть авторитетов всех мастей понимать: «Почему люди приняли Антихриста за Христа и тем более почему пойдут?», но все же… как?

А тот продолжал:

— Как? Ты спрашиваешь «как»? Повезло, истинно повезло таким, как ты, уверен в сходности, похожести ситуации с твоей. Скажу то, что видел: когда почти весь мир лежал в руинах, заслуженно заплатив за нарушение: «Блаженны миротворцы», люди лишились всего, и солнце не грело тогда, вися, как раньше, при этом над их головами! Видел бы ты его, слышал бы ты его… как он вошел в храм, где все оставшиеся цари — как ты говоришь, иерархи мира сего — проповедовали Слово. Как сопровождали, ведь он дал мир, хлеб и пресек распри. Был вселенски умен, и никто не мог его поймать за слова, ни ударить побольнее. Создавал, создавал божественный авторитет, возрождая города, села. О, блажен ты, отрок, за то, что ни видел, ни чувствовал. Это и была настоящая скорбь. Страх: боялись даже себя незадолго до его прихода люди, ничего не знали и ученые, как быть. И силь-

ные на поклон пришли к нему. Слышишь? Сильные, укрепленные в вере, надеющиеся на Господа, — да на поклон! Видел бы ты чудеса этого мессии: одним словом, зацветало поле. А когда нашелся один, выстрелил в три части тела: грудь, горло, голова. В такие места, после которых не живут. Лежа на земле, на золотом полу, в окружении охраны, десяток человек, нападавшего, скрученного, как сеть рыболовная, этот раненный, будучи почти без дыхания, белый, с закрытыми плотно глазами, взял руку правую — и как не было ран. И поверили все, кроме умерщвленного убийцы, что на бога покушались. Вошел спустя три дня в мерзость запустения, где говорили, мол, ваш Бог — наш Бог, Бог один, представляется по-разному. Вошел Погибель, и после речи, читая молитву, сказал: «Верьте, ибо я есмь ваш бог, вселенная», — да и перекрестился от христиан, сказав «амен» от иудеев, лицо руками протер от мусульман. Те, у кого были уши, те, у кого открылось сердце, кто не стоял тогда, не смотрел в экран, кричали: «Это Антихрист! Не верьте ему!» Гордыня, страх, не жадность или алчность, но страсть к накопленному — вот долгие пути, тропы к тому событию в храме. Долго же наступал этот час. Долго же истощались души, много же крови невинной проливали люди, а потом не каялись за грехи свои, узнав правду. У всех был шанс включить голову, открыть Евангелие, вчитаться в Откровение и прочее всё же, чтобы узнать… но это сделали лишь малые, заблудшие, точнее, нищие духом. По крови в тот день, по крови Анти-

христ шел. Когда дубовые двери ростом с двухэтажный дом отворились, кровь вытекла первой. Представь себе: в доме, на глазах у миллиардов, убивали под аплодисменты. Он выходил первым. В тот день была война новая против него: спустились Енох с Илией — последний Божий дар для мира, — говорили, с кем воюют. А когда закончилась война, законченная и начатая в один месяц, поклонились этому «богу», он стал давать черную метку, говоря о неверии своем, о победе над врагами. Очнулось не меньше, но и не меньше сдалось, отреклось от Сына, мнений своих. Убивали всяких: язычников, сатанистов — представь себе, тоже постигла участь. Не свезло христианам, особенно преданными были они, хотя и не все, знавшие Слово особо-то, но были в расстрельном списке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.